

маленькие самолетики, кукурузники, сбрасывали медикаменты и немного оружия, и всё. То есть, чтобы продлить эту агонию. ↓

- Да, это была сталинская политика.

- Конечно. Так вот, я это понимала, но я не могла никому об этом сказать, не решилась бы сказать.

- И правильно сделали.

- И я не понимала, кто из окружающих еще это понимает, а кто нет. Любой человек так же молчал бы, как и я.

- А обычные бои как происходили? Русские солдаты лучше воевали на своей земле, чем на чужой?

- Нет, армия ведь откатывалась много раз. Я бы сказала, что перелом, по-видимому, произошел во время сталиградской битвы, потому что битва на Орловско-курской дуге... Русский солдат воевал хорошо, конечно, прежде всего, потому ^{что} вши, которые в письмах немцев рисуются, как кошмар, который их терзает, у русских вызывали только шуточки. "Ха, блондиночка" или "А, уже подхватила чужого парня, вот он твоих и гоняет, ты и чешешься". Понимаете, это принимается, как оно есть.

- Как факт природы.

- Но надо помнить, что были всюду заградотряды, то есть, всюду за воюющими шли отряды войск НКВД - заградотряды, которые стреляли бы в людей, которые попытались бы бежать с поля боя. }

- А вы это видели?

- Я это всё знаю.

- И это всем известно?

- Да, всем воюющим это известно.

- Поэтому нельзя объективно судить, храбро они воевали или

89-106

7 side 2

106-114

нет.

- Нет, нельзя объективно судить.

- Но, по всей вероятности, они воевали бы отважно и без помощи чекистов.

- У меня на фронте был один человек - он появился еще в армейской газете, - который сыграл в моей жизни тоже большую роль. Его звали Николай Волков. Он возил почту, и был он уже человек немолодой. У меня начался роман с журналистом из другой дивизии, не из нашей. Это началось, еще когда я была в армейской газете, а он в дивизионной работал. И вот, Николай Волков, о котором я говорю, - ему было лет сорок вошемь, он уже был нестроевой, он воевал еще в империалистическую войну; он был мастер на все руки: он был слесарь, кузнец, он был сельский и городской человек, замечательный и очень умный человек. Скептический, мудрый, я бы сказала. Поскольку он был нестроевой, он возил почту: ездил в штаб армии за почтой и развозил вот в этой дивизии, в которой был человек, с которым у меня был роман. И поскольку - как попасть в дивизию, как правило, только с почтой, а почту он возил на лошадях, у него не было машины. Когда я была в своей дивизии, надо было добраться до армии, потом поймать Николая и ехать с ним в другую дивизию - ну, когда это было возможно. И по дороге мы очень много разговаривали. И мне трудно это объяснить, но на том этапе моей жизни он стал главным человеком в моей жизни. Он мне говорил вещи, которые мне и в голову никогда не приходили.

- Например, что он вам говорил?

- Ну какие-то очень простые, житейские. Он мне, например,

сказал как-то: "А что ты о государстве рассуждаешь? Государство с обывателя всегда своё возьмет.

- Прямо так и сказал? Прямой был человек?

- Да, да. "Слушай, если тебе кто будет говорить, что эта война была страшнее империалистической,.. Нет, наоборот: что эта война не такая страшная, как империалистическая - а были такие разговоры, - не верь. Эта война страшная по-настоящему, а я империалистическую всю прошел солдатом". Вообще у нас отношения начались с того, что в первый раз, когда я поехала, был какой-то неожиданный стук или взрыв, и я вздрогнула, а он сказал: "Нервишки-то у тебя интеллигентские". А потом мы стали с ним разговаривать, и я сказала, что я очень хочу пистолет, а он говорит: "А зачем тебе пистолет? Сражаться что ли с ним будешь?" Я говорю: "Нет, что бы в случае чего умереть достойно". А он говорит: "Послушай меня: человеку умереть никогда не достойно - достойно выжить". Я вот говорю, что он для меня был как будто...

- Учитель.

- Да, да.

- Простой, философский человек.

- Да, он замечательный был совершенно. Вот, наверное, как у Пьера Безухова Платон Каратаев был открытием, так вот для меня Николай Волков был открытием. И я лишь потом стала понимать, что он, наверное, был в меня влюблен. Я думаю так, потому что, например, была однажды такая история, что почта не пришла, он ждал, а я была уставшая после дежурства - сутки я не спала, и я задремала, и когда я проснулась было очень холодно. Он снял с себя плащ-палатку и гимнастерку, и сидел и ёжился, ведь он был в одной ру-

башке, а меня прикрыл спящую своей гимнастеркой и плащ-палаткой. Дал мне поспать. Так что, наверное, он не совсем был ко мне равнодушен. И потом как-то я сказала, что вот кончится война, а идти мне некуда, дома у меня нет. Он мне сказал: "Как же так: у тебя есть Володя, значит, когда ты одна, у тебя уже полдома есть".

- Мудрый все-таки.

- Он был замечательный человек. Наружность у него была такая очень русская, и усы были пшеничные.

- И синие глаза?

- Да, серо-синие глаза.

- И блондин был?

- Да. И у него было совершенно русское лицо. Он мне, например, рассказывал о своих женитьбах. "И последняя такая была справная баба, и я решил, что ж мне бобылем жить: женюсь я на ней. Так она меня, знаешь, чем довела? Я бывало приду с работы домой - там ведь в сапогах ходишь, - так она ходит за мной и каждый след подтирает. И я этого не перенес - ушел от нее".

- Не перен^ёс?

- Вот такой он был.

- Он был почтальон военный?

- Да, он возил почту. Он был нестроевой солдат, потому что ему было уже под пятьдесят. Но когда я всем пытаюсь рассказать о нем, то все думают, что у нас с ним был роман. Но ничего похожего на роман не было. Как же мог стать для меня главным человек, с которым у меня не было романа? Я его навсегда запомнила и вспоминаю с благодарностью. Он очень много сделал для моего самосознания.

- Между прочим, вы дошли до самого Берлина или нет?

- Мы прошли мимо Берлина. Мы, значит, шли так: Западная Украина, по границе с Западной Белоруссией, попадая то в Западную Украину, то в Западную Белоруссию, потом прошли вверх по Польше до Данцига. Наша дивизия брала Данциг. От дивизии, как говорили, семь активных штыков вышли к морю: из дивизии семь человек вышли к морю.

- Семь человек осталось?

- Да, семь бойцов, а все остальные полегли.

- А сколько человек в дивизии?

- Наверное, тысяч двенадцать.

- Это очень много?

- Да, дивизия - это большое образование.

- А какой был номер вашей дивизии, если это, конечно, не секрет?

- Спросите меня что-нибудь попроще. По-моему, семьдесят первая, по-моему, но я не уверена. Я знаю, что я числилась бойцом сто шестьдесят пятого полка.

- Это достоверно?

- Да, это достоверно, а какая это была дивизия? По-моему, семьдесят первая. А Армия была семидесятая, это я тоже помню хорошо.

- И эта Армия прошла...

- До Данцига, после чего нас повернули влево, и мы пошли вдоль побережья Балтики на запад, то есть, выше Берлина, понимаете? Вдоль Балтики. И там уже у нас больших городов, по-моему, не было. Бои там были страшные совершенно.

- Страшнее, чем другие?

- Там были очень жестокие бои, очень. Там народу погибло страшно много. Немцы очень сопротивлялись. Я помню, они разбрасывали листовки, очень смешные. Это было, когда мы уже прошли Польшу и стояли перед Германией. "Мы идем домой, а вы - куда, безумцы?"

- В Германию. Ну конечно, они воевали жестоко на своей земле. Они были хорошо дисциплинированные солдаты.

- Слушайте, если судить по тому, сколько потерял в этой войне мир и сколько потеряли немцы: немцы потеряли десять миллионов.

- А вы потеряли тринадцать миллионов.

- Двадцать, по словам Сталина, а вероятно, больше. Но надо же суммировать всех: кто что потерял - многие миллионы, а они потеряли десять миллионов. Прекрасная, организованная армия.

- А у вас был когда-нибудь прямой контакт с немецкими солдатами?

- С немецкими солдатами? Нет, с солдатами, нет. Но, скажем, один немецкий сапожник попал в одну из наших рот, и его возили с собой, потому что он был сапожник - он чинил всем сапоги.

- Это был немец?

- Да, немец.

- Он был в плену?

- Да, он был в плену. Но его официально не сдали в плен, а, узнав, что он сапожник...

- А он военный был?

- Он был солдат, попавший в плен. Но чтобы он стал официальным пленным, его надо было отвезти в штаб и в штабе оформить, но

из-за того, что он был сапожник, его так при роте и возили, и он всем сапоги чинил.

- А вы с ним говорили?

- Нет, я с ним не говорила - я не знала немецкого. И меня вообще больше интересовало, что же с ним будет. "А-а, - ответили мне, - Будет мешать - пристрелим". Совершенно как собаку или кошку. Столько было смерти вокруг, что это было обыденным. Не нужен будет - пристрелим.

- А смерть была везде?

*From
&
death*

- Да. Ну скажем, если в пятнадцати-двадцати километрах от передовой смерть не была закономерностью, то близко от передовой и на передовой незаконмерна была жизнь, понимаете? Мы немножко не дошли до Эльбы, потому что Кюстрен, до которого мы дошли и в котором мы остановились, он был нетронут союзной авиацией, которая разрушала по квадратам большие города. Кюстрен был маленький городок, и он был совершенно нетронут никем и ничем, он был целенький. И там было очень много эвакуированных немцев; немцев, эвакуированных из Берлина и из Гамбурга, по-моему, из Дрездена, которые были в совершенно трагическом положении, в ужасном. Потому, что мы захватили город, встали в нем, ничего не организовано, жрать немцам нечего. Ну коренные жители что-то могли припрятать - горжане, но эти были в совсем ужасном положении. И это были совершенно безобидные люди: какие-нибудь старые учительницы. А время было такое: скажем, я привезла в редакцию объявление - расположение части или батальона называлось хозяйство такое-то, это всегда так было.

- Каргон такой?

- Да. Скажем, назвалось хозяйство Иванова, а ты знал, что Иванов - командир такого-то полка, и полк его там. Хозяйство Иванова в таком-то населенном пункте, и туда-то надо было идти. Так вот, висело объявление, что ^вхозяйстве какого-то комбата - а они стояли в каком-то имении, - весь рабочий скот и вся рабочая сила принадлежит капитану такому-то. Чтобы никто другой не смел покушаться на их рабочий скот и их рабочую силу. Сразу же взяли в этих имениях невольников, которые работали там, угнанные из Белоруссии, из Украины. Угоняли работников и раздавали по хозяйствам многих, но многие работали на фабриках, на шахтах - там было страшно очень, а вот у бауэров, у фермеров немецких было лучше. Это зависело от того, какой хозяин и какая хозяйка, у некоторых было вполне хорошо. А невольницы были по большей части шкуры такие, это были украинские или белорусские девки, они сразу взяли команду над всеми немцами и ужасно их топтали и унижали.

- Что это значит топтали и унижали их? В каком это смысле? Издевались над ними? Били их?

- Да, били, оскорбляли их. Это было *все* достаточно отвратительно. Ну, армия шла с насилиями и грабежами. Хотя когда война кончилась или хотя бы войска остановились, то уже дня через четыре всё обрывалось, всё кончалось. Города давали на разграбление и на сжигание солдатам, только пока армия двигалась вперед с боями. Но тогда, конечно, страшно страдало мирное, беззащитное население. Мы часто шли по безлюдным деревням и городишкам, потому что население бежало на запад в надежде попасть к англичанам или американцам. Третьего мая у Кюстрина англичане, американцы и русские

May 3

вышли тремя клиньями, и третьего мая для нас война кончилась, в нашей дивизии война кончилась.

- Вам объявили об этом.

- Ну да, мы уже больше никуда не двигались. Там мы встретились все. Но немцы старались попасть в руки англичан или лучше всего американцев. Хотя за те два, что мы успели-или, вернее, нам было разрешено пока не спохватились ^{но-} общаться с американцами и англичанами - были уже совместные офицерские пьянки, - они рассказывали, что американцы очень свирепо себя вели: заманивали какого-нибудь бауэра, требовали с него колбасу, а если он упирался, очередь из автомата. Но не убивали его, а в потолок, чтоб понимал: раз победитель хочет колбасу, то надо дать.

- Хитрые такие все-таки.

- Что вообще они очень бесцеремонные-американцы.

- А вы видели американцев?

- Только проходящих мимо, я с ними не общалась. Ни с англичанами, ни с американцами: я была рядовой, мне не положено было.

- Между прочим, вы же были на Западной Украине, а говорят, что многие западные украинцы содействовали немцам.

- Нет, это неправда. Они не хотели ни немцев, ни русских.

- Но в самом начале они приветствовали немцев как освободителей?

- Не знаю. Я такого не знаю. Так же как в Польше.

- Но Польша была независимая страна.

- Но они сражались ^с немцами, а потом сразу стали стражаться

с русскими. То есть, потом они нас встречали как освободителей,
но уже через месяц они прекрасно разобрались, что Россия несет в
себе страшное что-то. И мы стали сразу противодействовать поля-
кам: у них же сразу организовались партизанские отряды.

FROM 106

4 side 2

